

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ УСТАНОВКА И ТВОРЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ПИСАТЕЛЯ-ПУБЛИЦИСТА (ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ПОСЛАНИЯ П.А. ВЯЗЕМСКОГО «СИБИРЯКОВУ»)

Программное стихотворение Вяземского на тему крепостничества впервые рассматривается в контексте актуализировавшегося в конце 1810-х – начале 1820-х гг. обсуждения вариантов стратегий в отношении правящих в стране консервативных сил. Сравнительный анализ совокупности высказываний по этим проблемам автора послания «Сибирякову», а также В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, А.И. Тургенева позволяет выявить особенности позиции Вяземского «Варшавского периода» как последователя либерала и «бойца»-памфлетиста.

У каждого писателя есть произведения, которые можно считать программными в идейно-художественном плане. Одним из таких произведений у П.А. Вяземского «варшавского периода» стало посвященное теме «рабства» послание «Сибирякову» (1819). Оно уже привлекало внимание исследователей – Ю.М. Лотмана, Г.М. Фридендера и Г.М. Дейча, М.И. Гиллельсона, Н.В. Самовер, П.А. Акульшина [1. С. 4–13, 66–67, 127, 269, 387–389]. Однако и послание, и последовавшее за ним обсуждение вариантов писательской стратегии в отношении правящих в стране консервативных крепостнических сил в переписке П.А. Вяземского, В.А. Жуковского и А.И. Тургенева заслуживают более полного анализа. Тем более что один из важнейших в этом плане документов – хранящееся в РГАЛИ письмо Вяземского Жуковскому от 13 сентября 1819 г. – до сих пор, насколько нам известно, оставалось вне поля зрения ученых [2. С. 125–126].

Сам Вяземский ценил послание «Сибирякову» как актуальный публицистический текст, в котором одна из центральных для того времени оппозиций «крепостной народ – крепостническое дворянство» трактовалась в решительно-либеральном духе [3. С. 108–109, 111–115]. Не случайно, автор послания настаивал на важности его немедленного появления в печати. Даже тогда, когда его ближайший друг и единомышленник А.И. Тургенев усомнился в том, стоит ли им добиваться публикации этого антикрепостнического стихотворения до принятия властью какого-либо решения по крестьянскому вопросу, Вяземский был уверен: «нам открывать такого рода прения» (курсив мой. – И.П.), ведь «действовать должно нравственной <...> силой», которую публицист видел в себе и своих товарищах, т.е. просвещенном свободомыслящем дворянстве [4. С. 310].

В упоминавшемся выше письме Жуковскому, написанном, кстати, в один день с процитированным письмом Тургеневу, автор послания «Сибирякову» также указал на его значимость и необходимость публикации. В свойственной Вяземскому полушутливой манере, хотя и явно убежденный в верности выбранной позиции, он писал: «А не печатать не должно: что за прибыли меч в воду совать? Зачем мне не сказать с Державиным, и с большим правом, чем он, потому что он напал на лица, а я на мнения: «Что первый я дерзнул в забавном русском слоге ... истину царям с улыбкой говорить». Воля твоя! я мысленно горжусь этим, уверенный, что я предголоском (подчеркнуто Вяземским. – И.П.) будущего, так, как ты предголоском бу-

дущей поэзии» [5. С. 126]. Все эти высказывания дают представление о принципиальной установке Вяземского конца 1810-х гг. на включение в борьбу мнений (курсив здесь и в цитате мой. – И.П.) о путях социального прогресса, в деятельную и широкую (насколько могла позволить печать того времени) проповедь либеральных социально-нравственных ценностей.

Послание «Сибирякову» не совсем обычно: в нем автор отказался от моноцентричности. Хотя непосредственно (это подчеркнуто в названии) оно обращено только к И.С. Сибирякову, стремившемуся добиться своего освобождения крепостному поэту и «пирожнику» рязанского губернского предводителя дворянства Д.Н. Маслова, композиция и общая направленность стихотворения сложнее. Это сатирическая и одновременно «назидательная эпистола» [6. С. 143] довольно большого объема (90 стихов), которая построена так, что в ней практически равными по значению оказываются оба «героя» получившего тогда известность «дела» – представители двух основных и противостоящих друг другу классов. Недаром сам Вяземский выделял (разумеется, не без иронии) роль хозяина и, соответственно, антагониста Сибирякова в рождении замысла своего послания – «Сибирякову»: «Маслов был моим вдохновением, предводителем моим на Парнас» [4. С. 298]. То, что в самом стихотворении его фамилия даже не упомянута, видимо, должно было только подчеркнуть типичность образа крепостника. В то же время сохранение в послании некоторых реальных деталей взаимоотношений Сибирякова и Маслова позволяет видеть в нем сатиру как «на порок», так и «на лицо», делает его публицистически конкретным.

Разумеется, герои-антагонисты вызывают диаметрально противоположные чувства автора: крепостной поэт – сочувственную поддержку («Жалею я, когда <...> / Простолудин рожден с возвышенной душой, / И свойств изящных блеск в безвестности тускнеет»), а необразованный и жестокий дворянин – негодование («но злобою мой ум кипит и цепенеет, / Когда <...> / Судьба к честям порок возводит на позор»). Столкновение разнонаправленных эмоций (в процитированных строках оно усиливается тем, что дано в рамках одного предложения, причем расположенного как раз в центре текста) – ведущий принцип организации послания. Нельзя не заметить, что таким образом реализуется провозглашенное в том же 1819 г. в стихотворении «Уныние» credo поэта, который «перед алтарем души в смиренье клятву дал тирану быть врагом и жертве верным другом».

Послание «Сибирякову» начинается рядом антитез, представляющих читателю как адресата («В отечестве поэт, кондитор в барском доме»), так и автора («Другой вельможам льстит; а я пишу к тебе...») и подчеркивающих особенности их социального положения или позиции. И вслед за собственной репликой приветствия «рабу», посмевавшему бросить вызов судьбе и «душой – к свободе вознестись», Вяземский дает «слово» его владельцу, весьма эффективно используя прием самооблачения крепостнической философии.

Монолог, которым «бредит наяву питомец предрасудка», написан в памфлетном стиле. «Сын тьмы, сиятельства наследник» с естественной для него ненавистью отзывается о нынешнем («злосчастном веке»), когда под напором просвещения рушится традиционная иерархическая организация общества. Для него неприемлемо, что теперь «чернь пускается в печать», вздумав «мыслить» вместо беспрекословного исполнения господской воли: «Не за перо берись: поди, надень передник».

Развивая критику первого сословия в государстве, Вяземский не ограничился этим «вставным» монологом крепостника, еще выдержанным в духе просветительской сатиры XVIII в. Во второй половине послания появляются гневные выпады против дворянства в целом, с его праздношью и глупостью, пустым самодовольством и пошлым эгоизмом. Жизнь правящего класса автор уподобляет «пестрому маскараду», где часто «первый из вельмож последний из людей». С сарказмом пишет сатирик о психологических установках привилегированного сословия, уверенного в своем прирожденном праве владеть «чернью» и ее эксплуатировать. Ведь оно убеждено,

...что творец на то и создал знать,
Чтоб кровью ближнего ей нагло торговать;
Что черни дал одни он спины, барству – души,
<...>

И что всё так в благом придумано совете,
Чтоб был немногим рай, а многим ад на свете.

Обращаясь к Сибирякову, Вяземский даже решается на предположение, что дворянское общество, дворянское воспитание вообще губительны для таланта: «Быть может, в их среде светильник дарованья // Потухнул бы в тебе под гнетом воспитанья».

Традиционная для передовой русской литературы второй половины XVIII – начала XIX в., но особенно обострившаяся к концу 1810-х гг. оппозиция «крепостническое дворянство – крепостной народ» рассматривается Вяземским в контексте размышлений об истинной свободе человека. На первый план выдвигается диалектика «внешней» (гражданской) и внутренней (духовной) свободы. Отсутствие первой горько, но все же дороже, по мнению автора, вторая:

Свобода в нас самих: небес святой залог,
Как собственность души, ее нам вверил бог!
И не ее погнет ярмо земная власть;
Одни тираны ей: насильственные страсти.

Именно внутренняя независимость, способность мыслить («кто мыслит, тот могущ, а кто могущ, свободен») приветствуется в Сибирякове («в неволе ты душой уразумел свободу»). В то время как его хозяин, принадлежащий к привилегированному и соответственно самому свободному сословию в России, для Вя-

земского лишь «раб жалкий на свободе», ведь он порабошен примитивными страстями и предрассудками.

Общая либерально-просветительская интенция автора и социально-нравственные и философские акценты в трактовке темы свободы обусловили весьма умеренный в социально-политическом плане пафос его обращения к адресату – «рабу свободному»: «Гордись собой! <...> довольствуйся душевным благородством». Понятно, что либерал Вяземский и не мог призвать крепостного к бунту – «пугачевщина», «топор черни, который всегда бьет слишком сильно» [7. С. 3], для него так же недопустимы, как само «рабство».

Интересно другое: в послании «Сибирякову» вообще практически не прозвучали социально-политические аспекты проблемы свободы крепостных и ее достижения, хотя они Вяземского очень интересовали, судя, например, по его переписке тех лет. В рассмотренном «монологе» крепостника тоже упоминается о возможности для раба получить свободу не только «внутреннюю» (попасть «и в честь, и в адрескалендарь»), но лишь при помощи некоего «заступника бескорыстного» из числа «вельмож» – поклонников современного «просвещения». Кстати, этой репликой «героя» Вяземский напоминал о реальных обстоятельствах «дела» Сибирякова.

Но в высказываниях самого автора послания тема освобождения даже не затронута. Скорее всего, это объясняется тем, что поэт считал преждевременным предлагать на широкое обсуждение какие-либо рецепты решения одной из сложнейших проблем, пока в планируемом им и его единомышленниками «обществе» для подготовки антикрепостнической реформы эту задачу «хорошенько» не «разварят <...> теоретическим образом» [4. С. 15].

Вместе с тем, декларируя в послании возможность духовного превосходства внутренне свободного крепостного над крепостником, Вяземский явно исходит из того (и стремится убедить в этом читателя), что достоинство человека не определяется его общественным статусом. Так, послание «вписывается» в контекст актуальных тогда социально-философских размышлений о необходимости преодоления всяческих сословных предубеждений и усвоения идеи «естественного равенства» [1. С. 127]. Это, наряду с острой критикой крепостничества, позволяет говорить о послании «Сибирякову» как о произведении с четкой либерально-просветительской направленностью. В нем удачно соединяются побудительная модальность с оттенком моральной поддержки крепостных и энергия социальной сатиры на крепостников.

Послание, которое сам автор назвал «желчью стихотворной», встретило неоднозначную реакцию даже в кругу его друзей. Оно вызвало восхищение А.С. Пушкина, тогда как раз закончившего свою антикрепостническую «Деревню» и, по свидетельству очевидцев, пожалевшего, что Вяземский «отнял у него такой богатый сюжет» о Сибирякове. Н.И. Тургенев «восхищался родным ему чувством», выраженным в послании. А.И. Тургенев пророчил, что некоторые «сильные по чувству и выражению» стихи «останутся в памяти народной», при этом указав, как было принято в их пере-

писке, и на бросившиеся ему в глаза «шероховатости» [4. С. 302–304]. Правда, всего через пару дней, познакомившись с отзывом В.А. Жуковского на послание «Сибирякову», А.И. Тургенев согласился с большинством его замечаний, уже не только стилистических.

Письмо Жуковского к Вяземскому от 2–4 сентября 1819 года с довольно подробным разбором стихотворения и советом его не печатать по-своему также программно. Жуковский исходил из того, что послание Вяземского – «произведение, долженствующее иметь нравственное влияние», «действовать на общее мнение». Однако попытку автора синтезировать жанры, соединить послание к крепостному «рабу» о ценностях свободы и жесткую социальную сатиру против «хамов» (крепостников – на языке арзамасцев) критик не принял. С его точки зрения, предпочтительнее было традиционное назидательное «послание хаму», чтобы дать о свободе «истинное, высокое понятие тем, которым наиболее нужно ее полюбить, не рабам-служащим, а рабам-повелевающим».

«Самым действенным» способом для этого он считал пробуждение «грубых душ <...> живым словом убеждения, а не убийственным словом презрения или негодования». В финале письма Жуковский четко сформулировал свое писательское *sredo*: «Светильник Поэзии не должен быть зажигателем: он должен согревать, светить и оживлять» [4. С. 305]. Мечтатель Жуковский отвергал гневный социально-сатирический пафос, дабы «не ожесточать» души крепостников «оскорблением» и, «разбудив» в них уважение к «достоинству человека и свободы», в конечном счете, сблизить «враждующие партии», принести «пользу» обеим [8. С. 24].

Даже довольно умеренная по сути, избегающая прямых социально-политических выводов, но энергично заявленная в послании «Сибирякову» обличительная позиция Вяземского в отношении феодально-крепостнических сил настораживала Жуковского. Ведь такой «светильник Поэзии» мог, обязан был «зажигать» в читателе негодование. Этим и объясняется совет Жуковского наложить вето на публикацию стихотворения.

«Боец» Вяземский и «миротворец» Жуковский, единомышленники в отношении отдаленной цели – построения общества, основанного на высоких гуманистических принципах, в выборе конкретной писательской стратегии тогда резко разошлись. Причем Вяземский, видимо, предполагая, что принципиального плана критические суждения Жуковского на послание «Сибирякову» будут для него неприемлемы, ждал их (в отличие от прошлых опытов) без особого энтузиазма. Не случайно, прося А.И. Тургенева в конце августа 1819 года срочно прислать список стихотворения с замечаниями кого-либо «третьего, со стороны, свежего», он уточнил: «Мне ничуть не Жуковского в особенности замечания нужны: твои могут быть мне очень полезны» [4. С. 298].

Суть своих расхождений с Жуковским Вяземский весьма точно охарактеризовал в упоминавшемся уже письме ему от 13 сентября 1819 года. В начале он указал главное различие в их отношении к знати и выбору языка общения с ней: «Ты кадишь им кадилом не лести, но поэзии; я хотел бы задеть их кадильницу истины: по-

буждение наше одно, но способы и суждение наше разные. Ты хочешь их очистить: я их мараю, надеюсь, что авось очнутся и сами с омерзением увидят грязь свою. Ты хвалишь добродетель: я ругаю порок» [9. С. 125].

Интересно, что подчеркнутая в письме Жуковского задача пробуждения нравственного чувства читателя с помощью слова-«будильника» не раз звучала и в рассуждениях Вяземского о своем авторском назначении [10. С. 144]. Но в отличие от Жуковского, надеявшегося пробудить «грубые души» исключительно «живым словом убеждения», Вяземский призывал к разнообразию голосов такого «будильника». А наиболее важным для собственного творчества он полагал как раз «слово презрения и негодования» – слово, обличающее зло и зовущее на бой. Показательна декларация в его известнейшем стихотворении «Негодование» (1820): «Мой Аполлон – негодованье!». В последнем перед опалой письме А.И. Тургеневу из Варшавы (1821) писатель развил эту мысль, подчеркнув, что вообще «красноречие быть должно не кадильницей благоговенною, а мечом, посвященным на защиту истины и притесненных и на укарание лжи и притеснителей» [10. С. 182–183].

Автор послания «Сибирякову» был убежден, что именно поле боевой сатиры, для него напрямую связанной с рациональным типом мышления, – его поле. В своем ответе Жуковскому Вяземский уделил особое внимание замечанию, что послание должно было говорить «более чувству»: «<...> я и сам желал бы, но разве не видишь ты тут *предопределение дарования моего* (курсив мой. – И.П.). Я и сам в ту минуту, как кипело во мне вдохновение, кидался от неба к аду, от поэзии лирической, т.е. чувства, до сатирической, т.е. ума, и первый стих все решил. Я остро и забавно сквернословлю, а ты у меня спрашиваешь, зачем я не проповедую слова Божия. <...> Ты хотел, чтобы я фенелонствовал, когда природа звала меня ювенальничать. Мое послание ничто иное, как *сатира* (курсив мой. – И.П.): я должен был колоть в самый глаз. Пускай они все перегрызутся: мне какое до того дело? Разве я дразнил их из худого побуждения, разве я прежде потакал предрассудкам, а после напал на них?».

Вяземский высоко ценил четкость следования каждым писателем выбранной, а во многом и предопределенной «природой» его творческого гения, позиции. Соответственно отстаивалась свобода автора идти своим путем. Обращаясь к последним поэтическим опытам Жуковского, Вяземский писал: «Ты написал о смерти Вюртембергской Королевы Жуковщину: а я пойду говорить тебе, зачем не написал ты громкой оды, которая также была бы хороша. Ради Бога! Отвяжитесь от этой привычки указывать дарованию дорогу: водите его по той, которую он избрал, это так; а не посылайте его в Торжок, когда он едет в Серпухов. <...> Ты очищай воздух, как Солнце, в благодеяниях постоянное, я, как гроза, порывами и потрясениями» [9. С. 125].

Правда, «боец» Вяземский сам не всегда и не полностью готов был соблюдать либеральный принцип не «указывать дарованию дорогу». Так, в дни, когда Жуковский выносил «приговор» антикрепостническому посланию Вяземского, он стремился предостеречь старшего друга «от однообразия» романтической уст-

ремленности к «беспредельному», от чрезмерного поэтического и политического идеализма. Вяземский упрекал в недооценке реальной многосложности и противоречивости жизни. 5 сентября 1819 года он писал А.И. Тургеневу из Варшавы: «Жуковский слишком уже мистицизирует. <...> Он так наладил одну песню, что я, который обожаю мистицизм поэзии, начинаю уже уставать. Стихи хороши, много счастливых выражений, но все на один оклад: везде выглядывает ухо и звезда Лабзина. Поэт должен выливать свою душу в разнообразных сосудах» [4. С. 305]. Подобная критика и побуждения в адрес Жуковского характерны для всего времени пребывания Вяземского в Варшаве. В одном из февральских писем 1821 г., призывая русского романтика не «теряться в идеальности Аркадии», он приводил в пример Байрона: «Байрон, который носится в облаках, спускается на землю, чтобы грянуть негодованием в притеснителей, и краски его романтизма сливаются часто с красками политическими» [4. С. 170–171].

Как убедительно показали современные исследователи, Жуковский действительно на протяжении 1810-х гг. склонен был возлагать на себя миссию «государственного поэта», проповедника «мистико-политических концепций», связанных с «идеологией христианского универсализма». Он выступал в роли «искреннего певца великого государя», возглавлявшего вместе с другими европейскими правителями Священный союз, – Александра I, в котором поэт видел прежде всего создателя всеобщего христианского царства [11. С. 267–295; 12. С. 64–98].

Такую «царедворную мечтательность» Вяземский понять и принять не мог. Иногда он даже готов был полемически преувеличить «греховность» Жуковского: «Провидение зажгло в тебе огонь дарования в честь народу, а не на потеху двора» [13. С. 181]. Примечательно и его заявление в письме-антикритике по поводу послания «Сибирякову»: «Я тебя не порочу, а не постигаю» [5. С. 125]. Ведь сам Вяземский со второй половины 1810-х гг. последовательно позиционировал себя как независимый критически мыслящий литератор, который трезво оценивает конкретно-историческую ситуацию в современной России и – шире – Европе и понимает необходимость для либеральной дворянской обществуности серьезного нелицеприятного диалога с властью.

Точку в обсуждении полезности публикации послания «Сибирякову» поставила цензура. Невозможность «укоренить», по остроумному выражению Вяземского, «горячо» написанное стихотворение в «Сыне Отечества» не была для автора неожиданностью. Вяземский постоянно ощущал, что его «цензура в тисках держит» более чем кого-либо другого, что его, «как чуму, никуда не пускают». И теперь, несмотря на подчеркнутую осторожность в трактовке темы свободы, отказ от обсуждения путей освобождения крепостных, он изначально предрекал цензурные мытарства для своего нового сочинения: «то-то затрезвонит в набат цензура!» [4. С. 298–299]

Скептически был настроен писатель и в отношении цензурных перспектив других журнальных публикаций по «делу» Сибирякова, которые планировались заступ-

никами последнего еще до завершения Вяземским послания. Вспоминая изданные антикрепостнические стихи А.П. Сумарокова «Ах, должно ли людьми скотине обладать?..», знаток истории и литературы XVIII в. готов был обвинить современные власти в ухудшении положения печати: «Мы удивительные сделали попятные успехи на либеральном поприще» [4. С. 289]. Но и при таких скептических оценках Вяземский, благодаря своей ярко выраженной гражданской позиции и темпераменту публициста, не мог отказаться от требований гласного обсуждения «дела», ограничившись филантропическим участием в нем. В середине августа Вяземский узнал от Тургеневых, что, в ответ на предложение петербургского генерал-губернатора М.А. Милорадовича (он выступил от имени пытавшихся помочь Сибирякову получить вольную) продать даровитого крепостного, Д.Н. Маслов запросил беспрецедентную цену – 10 тыс. рублей. Такое «бесстыдство», «ужаснейшую смесь варварства, глупости» рязанского губернского предводителя дворянства Вяземский советовал друзьям немедленно продать «костру общего мнения». Причем замысел публикации обнаружил в писателе безусловный редакторский талант: он предложил напечатать небольшую выписку из письма Милорадовича и «в увеличенном формате» – письмо Маслова [4. С. 289]. Разумеется, «проект» остался неосуществленным.

Настойчивое стремление Вяземского разжечь «костер общего мнения», обеспечить «делу» общественный резонанс очень показательно. Оно свидетельствует о понимании, что либерально настроенной общественности предстоит не просто разрешить конкретный «конфликт» Сибиряков – Маслов, но сверх того начать принципиальное гласное обсуждение проблемы крепостного права, всеми возможными способами доказывая его неприемлемость. Отсюда и процитированное выше утверждение: «нам открывать такого рода прения».

Таким подходом объясняется и критика Вяземским «выкупной» тактики Милорадовича: «И как подвиг ни либерален, а предложение продать человека дерет уши и души во рту Андреевского кавалера и петербургского военного губернатора». Ведь выкуп – это все равно операция купли-продажи, которая противоестественна в отношении человека. Нравственное чутье и трезвая аналитичность позволили Вяземскому заметить, что в России даже освободителям «раба» приходится действовать по бесчеловечным крепостническим правилам: «У нас всякое благородное дело тем и ужасно, что освещает бездну мерзости» [4. С. 289]. Видимо, писатель тогда уже осознавал, что допускаемые властями частные «либеральные подвиги» во имя свободы отдельных «рабов» очень уязвимы с точки зрения истинного либерализма, что безотлагательно требуется кардинальное решение проблемы крепостничества с непосредственным участием власти.

Симптоматична правка, внесенная Вяземским в 1819 г., когда он решил приготовить свое собрание сочинений для печати, в стихотворение «Петербург» (1818 г.). В «урбанистическом», казалось бы, стихотворении автор расширил крестьянскую тему. Два прежних, по его словам, «сухих стиха» были заменены пятью строками, содержащими оптимистические раз-

мышления о будущем России: когда восторжествует «свобода земледельца», / когда с чела оратая сотрется пот неволи, / Природы старший сын, ближайший братьев друг, / Свободно проведет в полях наследный плуг, / И светлых нив простор, приют свободы мирной, / Не будет для него темницею обширной.

Причем включены эти строки в финальную часть «Петербурга», после призыва к Александру I, победителю Наполеона и спасителю России, «чтоб счастье давший ей дал и права на счастье». В таком контексте «дополнительные» стихи звучали как настойчивый совет поэта-либерала царю освободить крестьян, обеспечив им «права на счастье». Сам автор позднее, в одном из рукописных сборников своих произведений, на полях «оскопленного» цензурой текста «Петербурга» (изъята была практически вся его финальная часть) оставил характерный комментарий. Он отрекомендовал эту рукопись как «отрывок из стихотворения, которое кончается возванием к императору Александру I о даровании свободы крестьянам и прочих льгот» [14. С. 294].

Вяземского очень волновало, чтобы «сила выражения» в последнем двустишии отвечала «силе мысли <...>, кипящей жизнью», призванной передать поразившую поэта «противоположность»: «Поля почитаются святилищем свободы: теснимый в обществе идет к ним расходиться; земледелец наш именно тут и находит неволю» [4. С. 278]. Интересно, что противоречие между естественностью свободы человека на лоне природы и противоестественностью неволи землепашца было тогда положено и в основу композиции ключевого антикрепостнического стихотворения А.С. Пушкина «Деревня» (1819). Причем эта переключка объясняется, очевидно, не влиянием одного автора на другого, а тем, что оба поэта точно определили важнейшее противоречие современной им социальной жизни России и одновременно сделали его предметом своей поэтической рефлексии. Вообще послание «Сибирякову» писалось и читалось (во всяком случае должно читаться сегодня) как стихотворение, включенное в антикрепостнический дискурс конца 1810-х – начала 1820-х гг., активнейшую роль в котором играли многие произведения Вяземского. Несмотря на свою объемность и программность, анализируемое послание не могло и, очевидно, не должно было отразить все аспекты социально-философской позиции автора даже по одной, главной в стихотворении, проблеме – крепостного права.

Соответственно представляется не совсем корректной попытка Н.В. Самовер в статье «Пушкин, Вяземский и Жуковский: три взгляда на крепостничество (1819)» охарактеризовать взгляды Вяземского по этой проблеме в целом, по сути рассматривая только послание «Сибирякову». В результате исследовательница утверждает, что «доводы» Вяземского против «рабства» носят «исключительно морально-философский ха-

актер», а его позицию по этому вопросу жестко противопоставляет позиции А.С. Пушкина как «менее определенной» [1. С. 5–13]. Конечно, непосредственно в послании «Сибирякову» не провозглашается «радикальный институциональный подход» к «водворению “свободы просвещенной”», как в пушкинской «Деревне» [15. С. 33]. Но это вовсе не означает, что такой подход вообще был чужд поэту. Призывы к либеральным реформам, к кардинальному социально-политическому решению проблемы крепостничества («институциональный подход») активно звучали в целом комплексе произведений Вяземского тех лет – и в стихотворениях, и, особенно мощно, в эпистолярной прозе [16. С. 14]. Вне этого контекста вряд ли возможно в полной мере понять и оценить социально-философскую установку Вяземского в «варшавский период», в том числе в 1819 г.

Трудно согласиться и с некоторыми конкретными выводами исследовательницы относительно послания «Сибирякову». Прежде всего, с суждением, что Вяземский ориентировался лишь «на индивидуальноморальный аспект» при рассмотрении крепостнической проблемы, в чем принципиально близок Жуковскому. Как показано выше, в послании Вяземского крепостническая проблема подается в духе острой социальной критики консервативного дворянства с его сословными предрассудками. Причем на принципиальность расхождения авторских стратегий Вяземского и Жуковского в этом отношении прямо указано в проанализированном нами письме Вяземского Жуковскому с антикритикой на замечания последнего относительно послания «Сибирякову». Также излишне категорично и, видимо, несправедливо утверждение Самовер, что писательская установка Вяземского в послании (и добавим, подтвержденная в его письме) была менее перспективна, чем установка Жуковского, сформулированная в его письме.

Соединение в послании «Сибирякову» социальной сатиры и приветственного слова при явном преобладании резких «негодующих» интонаций в адрес общественного зла представляется как раз весьма продуктивным. И не только для дальнейших творческих исканий Вяземского, и не только при обращении поэзии к проблеме крепостничества. Во всяком случае для развития публицистически ориентированной поэзии, призванной «действовать на общее мнение» [17. С. 52], такая писательская стратегия была перспективнее, чем отвлеченно-нравственная проповедь и «политическое визионерство», предложенные Жуковским. Тем более что она помогала реализовывать перспективную, хотя и умеренную по политическим выводам, но довольно решительную и последовательную либерально-просветительскую социально-философскую интенцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. П.А.Вяземский и движение декабристов // Уч. зап. Тартуского ун-та. 1960. Вып. 98; Дейч Г.М., Фридендер Г.М. «Деревня» Пушкин и антикрепостническая мысль конца 1810-х гг. // Литературное наследство. М., 1956 Т. 60, кн. 1; Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969; Самовер Н.В. Пушкин, Вяземский и Жуковский: три взгляда на крепостничество (1819) // Россия и реформы: Сб. ст. М., 1993. Вып. 2; Акулишин П.В. П.А. Вяземский: Власть и общество в дореформенной России. М., 2001.

2. РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. Ед. хр. 21.
3. *Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1763–1914. М., 1995.
4. Остафьевский архив князей Вяземских (далее ОА). СПб., 1899. Т. 1.
5. РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. Ед. хр. 21.
6. *Дмитриев Е.В.* Фактор адресации в русской поэзии. М., 2003.
7. Архив братьев Тургеневых. Пгр., 1921. Т. 1, вып. 6.
8. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1909а.
9. РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. Ед. хр. 21.
10. ОА. Т. 2.
11. *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.
12. *Виницкий И.* «Небесный Ахен»: Политическое воображение Жуковского в конце 1810-х годов // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2004.
13. Русский архив. 1900. № 2.
14. *Гиллельсон М.И.* Материалы по истории арзамасского братства // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 4. М.; Л., 1962.
15. *Ивинский Д.П.* Князь П.А. Вяземский и А.С. Пушкин: Очерк истории личных и творческих отношений. М., 1994.
16. Письмо А.И. Тургеневу от 6 февр. 1820 г. // ОА. Т. 2.
17. «Московский телеграф». 1826. Ч. 12.

Статья представлена кафедрой русской и зарубежной литературы XIX века филологического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филологические науки» 30 ноября 2006 г.